

*Н.С. Ларьков
В.И. Шишкин*

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одной из наиболее массовых и эффективных форм вооруженной борьбы за государственную власть, развернувшейся в годы гражданской войны на территории России, было партизанское движение в тылу антибольшевистских государственных образований. Наряду с крестьянскими и городскими восстаниями, забастовками рабочих, дезертирством из белых армий партизанское движение явилось важнейшей составляющей сопротивления антибольшевистским режимам власти. Это движение имело место во многих регионах страны, однако наибольший размах, организованность и устойчивость оно приобрело на Украине и в Сибири.

На территории Сибири (от Урала до Забайкалья) партизанское движение началось вскоре после свержения здесь советской власти, уже летом 1918 г., и продолжалось вплоть до разгрома белых армий в начале 1920 г. По приблизительным подсчетам Ю.В. Журова, из 400 тысяч партизан периода гражданской войны в России на территорию Сибири приходилось до 150 тысяч. В партизанских районах края, освобожденных из-под власти антибольшевистских правительств, в разное время проживали почти 1,8 миллиона человек, или около четверти его населения¹. И хотя эти цифры, возможно, завышены, нельзя не признать, что сибирское партизанское движение, разрушая и ослабляя тыл контрреволюции, тем самым существенно облегчило задачу Красной армии, особенно в период проведения ею наступательных операций. Объективно оно превратилось во второй по значимости военно-стратегический фактор в разгроме колчаковщины, в восстановлении на территории Сибири власти советов, в победе большевизма.

Масштабы и военно-политическая значимость партизанского движения в Сибири обусловили внимание к нему со стороны исследователей истории гражданской войны сразу же после ее завершения. О феномене партизанского движения в Сибири писали

¹ Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 96, 131.

авторы почти всех первых книг по истории гражданской войны в России и в Сибири, которые вышли в свет в 1920-е — первой половине 1930-х годов как в нашей стране (А.И. Анишев, Н.Е. Какурин, Л.П. Мамет, К.М. Молотов, П.С. Парфенов и др.), так и за рубежом (С.П. Мельгунов).

В те же годы появились публикации А.А. Ансона (А. Абова), В.Д. Вегмана, Н.Ф. Преображенского, Ю.Г. Циркунова, В.Б. Эльцина и некоторых других авторов, специально посвященные партизанскому движению в Сибири. В большинстве своем они представляли собой небольшие по объему политически ангажированные статьи, нередко с элементами публицистики. Для них были характерны минимальная опора на источники, отсутствие сколь угодно обстоятельной аргументации оценок и выводов. Такое качество изданий того времени во многом было обусловлено узостью источниковой базы, отсутствием исторической подготовки у большинства авторов, а также неприкрытым стремлением победителей представить историю гражданской войны в выгодном для себя свете².

Из числа вышедших в РСФСР и СССР книг и статей несколько особняком стояли лишь публикации Е.Е. Колосова, в недавнем прошлом одного из лидеров сибирских эсеров и члена Всероссийского Учредительного собрания. В них автор пытался дать более глубокие качественные характеристики партизанского движения в Сибири с позиций объективизма³. Как следствие, Е.Е. Колосов вызвал в свой адрес огонь критики, продолжавшейся в советской исторической литературе на протяжении несколь-

² Более подробно об освещении партизанского движения в Сибири в историографии тех лет см.: *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 — первая половина 1930-х гг.). Томск: изд-во Томского ун-та, 1974. С.218–245; *Шишкин В.И.* Большевики и партизанское движение в Сибири в освещении советской литературы 1920 — начала 1930-х годов // *Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции.* Новосибирск, 1987. С. 57–77; Он же. Дискуссионные проблемы истории партизанского движения в Сибири в советской историографии 1920-х — начала 1930-х годов // *Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни.* Сб. научных трудов. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1988. С. 6–29.

ких последующих десятилетий.

Вместе с тем в 1920–1930-е годы было положено начало созданию источниковой базы по истории партизанского движения. Появился ряд содержательных публикаций документов, посвященных, главным образом, партизанскому движению на территории Степного Алтая и Енисейской губернии⁴.

Тогда же многие руководители и рядовые участники партизанского движения написали свои воспоминания. Большая их часть была передана на хранение в архивы и музеи, но некоторые удалось опубликовать. Например, в уже в 1920-е годы вышли в свет мемуары В.М. Голева, П.К. Голикова, И.В. Громова, И.Е. Кантышева, П.П. Петрова, Т.Г. Рагозина, С.А. Сухотина, П.Е. Щетинкина, В.Г. Яковенко, в первой половине 1930-х годов — Н.А. Бушуевой-Вернер, А.Н. Геласимовой, Р.П. Захарова, И.М. Зубова, П.Д. Криволицкого, М.Х. Перевалова, И.Я. Третьяка и ряда других⁵. Не лишним будет отметить своевременность написания этих воспоминаний, поскольку многие их авторы во второй половине 1930-х годов во время «Большого террора» были репрессированы и погибли в сталинских тюрьмах и лагерях. Разумеется, все публикации источников того времени — и документальные, и мемуарные — равно как и более поздние издания советского периода, несли на себе отпечаток господствовавшей в СССР идеологии.

Последующие полтора десятилетия не принесли скольнибудь заметных результатов в изучении истории сибирского партизанского движения. Усиление исследовательского интереса к

³ Колосов Е.Е. Крестьянское движение при Колчаке // Былое. Петроград, 1922. № 20. С. 223–267; Он же. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Петроград: Былое, 1923. 190 с.

⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л.: Государственное издательство, Центрархив, 1925. 285 с.; Повстанческое движение на Алтае. Новосибирск, 1935. 124 с.; Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Сб. документов / Подготовил к печати К. Селезнев. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое изд-во, 1936. 374 с.; Тасеевский партизанский район в 1919 г. // Красный архив. 1937. Т. 6. С. 102–137; и др.

⁵ См.: Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири... С. 183–218.

этой теме произошло лишь с приходом хрущевской «оттепели», когда расширился доступ к архивным документам, были реабилитированы многие необоснованно репрессированные участники борьбы за советскую власть, выросло число историков-профессионалов. С середины 1950-х годов продолжилась прерванная на два десятилетия публикация документов по истории партизанского движения. В частности, был переиздан в значительно расширенном варианте сборник документов «Партизанское движение в Западной Сибири»⁶. Едва ли не во всех краевых и областных центрах Сибири вышли в свет документальные сборники, посвященные революции 1917 г. и гражданской войне. В общей сложности к 1980-м годам по истории сибирского партизанского движения было опубликовано до полутора тысяч документов. Продолжали издаваться и переиздаваться в эти годы также и многочисленные воспоминания участников партизанского движения.

Таким образом, вторая половина 1950-х — 1980-е годы явились более благоприятным временем для исследования истории гражданской войны в Сибири. В результате появились диссертации, книги, статьи Г.Ф. Большакова, Н.А. Васильева, В.К. Логвинова, В.Г. Мирзоева, М.Е. Плотниковой, Д.К. Шелестова, М.И. Стишова, Г.Х. Эйхе, Н.К. Ведяшева, Ю.В. Журова, В.А. Кадейкина, Н.С. Ларькова, А.Н. Никитина, Г.Г. Пензина, В.И. Шишкина и ряда других исследователей⁷, которые существенно расширили и

⁶ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. / Редакционная коллегия: И.В. Громов и др. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. 832 с.

⁷ Журов Ю.В., Плотникова М.Е., Шишкин В.И. Новые работы о борьбе большевиков Западной Сибири за народные массы в 1917–1920 годы // Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. Красноярск, 1983. С. 128–140; Плотникова М.Е. Современная советская историография гражданской войны в Сибири // История СССР. М., 1985. № 5. С. 101–116; Шишкин В.И. Советское строительство в партизанских районах Сибири периода интервенции и гражданской войны (к историографии вопроса) // Партийное руководство советами Сибири в период строительства и совершенствования социализма. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1988. С. 62–82; Гарипо-

углубили знания о сибирском партизанском движении. Включение в научный оборот огромного количества документальных и мемуарных источников позволило представить гораздо более детальную историческую картину этого социально-политического феномена. Однако, несмотря на насыщенность большим фактическим материалом, исследования историков советского периода, к сожалению, существенно девальвировались из-за того, что были выполнены в жестких рамках марксистско-ленинской идеологии.

Перестройка и гласность в СССР, революционные события начала 1990-х годов позволили российским авторам более эффективно и с большей объективностью продолжить исследование истории гражданской войны. Однако в последние два десятилетия обнаружился очередной перекосяк в освещении этой темы. Основные усилия историков оказались вполне предсказуемо направленными на изучение антибольшевистского лагеря, который в советский период освещался очень фрагментарно и поверхностно. В результате исследование революционного лагеря оказалось «в тени», во многом на периферии научных изысканий. К тому же «красные», сторонники советской власти нередко стали изображаться отдельными авторами предвзято, в сугубо негативном свете, что в очередной раз привело к искажению исторической картины. Все сказанное отразилось и на изучении сибирского партизанского движения, количество научных публикаций о котором резко сократилось.

Зарубежные авторы, изучающие историю гражданской войны в России, как правило, уделяют определенное внимание и сибирскому партизанскому движению. Но лишь немногие из них посвящают этой теме специальные публикации, как канадский историк Н. Перейра⁸. В зарубежных исследованиях содержатся достаточно взвешенные оценки места и роли партизанского движения в контексте военно-политических событий революционного периода в России. В этом отношении они выгодно отличаются от публикаций советских авторов. Вместе с тем зарубежные исследования, в

ва Л.Г. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х — 80-е годы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. 20 с.

⁸ Pereira N.G.O. The Partisan Movement in Western Siberia, 1918–1919 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. Bd. 38. № 1.

которых нашла отражение история партизанского движения в Сибири, основаны на очень узком корпусе источников, которые до недавнего времени в силу известных причин были для них менее доступны или совсем недоступны.

К настоящему времени история сибирского партизанского движения — сложного, противоречивого социально-политического явления — остается по-прежнему недостаточно изученной, а некоторые вопросы — дискуссионными. Нуждаются в уточнении численность сибирских партизан, их потери в ходе боев с правительственными вооруженными силами, социально-психологическая характеристика партизан, внутренние противоречия в движении, степень влияния на его участников различных политических партий и групп, масштабы партизанского террора и другие. Между тем, без глубокого и всестороннего изучения истории партизанского движения невозможно в полной мере раскрыть сущность гражданской войны в России в целом, многовекторность устремлений участвовавших в ней различных противоборствующих сил, альтернативы исторического процесса.

В порядке ликвидации выявленных лакун и неясностей, сформулируем свою позицию по ряду наиболее важных проблем. Прежде всего выскажемся по вопросу о причинах возникновения и развития партизанского движения в Сибири. Оно было обусловлено совокупностью разнородных причин. К партизанским действиям были вынуждены прибегнуть остатки разгромленных и рассеянных летом 1918 г. по территории Сибири советских отрядов. Подвергаясь преследованию со стороны силовых структур Временного Сибирского правительства, бывшие красногвардейцы, красноармейцы, большевики и другие активные сторонники советской власти иногда не ограничивались пассивным поведением, а продолжали вооруженную борьбу. Им на руку было усиливавшееся с осени 1918 г. недовольство значительной части населения восстановлением дореволюционных порядков. Сопrotивление вызывали взимание налогов и податей, реквизиции и конфискации военного имущества и продовольствия у крестьян, к которым нередко в грубой форме прибегали власти, а также мобилизация крестьянской молодежи в Сибирскую армию. Между тем, полуторагодичный — с февраля 1917 г. до лета 1918 г. — период революционных преобразований, сопровождавшихся неоднократной смены

власти, дал возможность сибирским крестьянам почувствовать и оценить свое бытование в условиях существенного ослабления традиционного давления на них со стороны государства. В это время сбор налогов и выполнение ряда других повинностей сократились или даже полностью прекратились из-за развала старого государственного аппарата и неналаженности нового.

Совершенно очевидно, что долго так продолжаться не могло. Противоборствующим сторонам нужны были человеческие и материальные ресурсы. Сама логика борьбы за государственную власть противостоявших друг другу военно-политических сил закономерно вела к расширению масштабов и ужесточению гражданской войны. Возникновение и рост партизанского движения отражали процесс ее эскалации и одновременно являлись одной из важнейших составляющих. Более того, партизанское движение во многом определяло характер этой войны, поскольку именно гражданское население — до поры, до времени мирное — зачастую помимо своего желания и воли втягивалось в кровавый водоворот событий, вынуждено было браться за оружие и тоже прибегать к насилию.

Исследователи истории гражданской войны обычно выделяют в развитии сибирского партизанского движения два основных этапа. Первый из них они датируют серединой 1918 г. и серединой (иногда весной) 1919 г. В это время — главным образом на территории Западной Сибири — возникли и действовали немногочисленные и слабо связанные между собой партизанские группы и отряды. Для них были характерны идейно-политическая и организационная аморфность, выборность командного состава, слабая дисциплина, митингование как способ решения даже маловажных вопросов, несогласованность действий. Партизанским отрядам пришлось вести борьбу в условиях укрепления контрреволюционных органов государственной власти, роста численности и боеспособности ее вооруженных формирований, а также наибольших успехов, достигнутых ими против Красной армии на Восточном фронте.

Особенностью второго этапа (вторая половина 1919 — начало 1920 г.) являлись массовость и возросшая организованность партизанского движения как результат нараставшего недовольства местного населения внутренней политикой А.В. Колчака, дезоргани-

зации и ослабления его вооруженных сил, поспешно отступавших на восток под давлением Красной армии. Партизанское движение за это время постепенно настолько выросло, что, по оценке не склонного к преувеличению чьих-либо заслуг советского военного командования, превратилось в стратегический фактор гражданской войны в Сибири.

Партизанскому движению разных районов Сибири были присущи значительные особенности. Давал о себе знать различный удельный вес среди местного крестьянского населения старожилов и новоселов, недавно живших в Сибири, проявлявшийся в разнице не только их социально-экономического и культурного положения, но и политических настроений и поведения. Наиболее «беспокойной» для контрреволюционных властей категорией являлись так называемые «неприписные» — самовольные переселенцы, не приписанные к обществу, и поэтому не имевшие ни соответствующего статуса, ни земельного надела. Сказывалось остаточное влияние дореволюционной политической и уголовной ссылки, а также присутствие в рядах партизан членов левых политических партий и групп (большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов). Не последнюю роль играли степень удаленности от административных центров и мест дислокации правительственных вооруженных сил, характер местности (тайга, горы, степь) и т. п.

Не случайно первые партизанские отряды на территории Западной Сибири возникли осенью 1918 г. в таежных районах на юге Томской губернии (отряды П.К. Лубкова, И.П. Новоселова, М.Х. Перевалова, Е.П. Попова, Г.Д. Шувалова, В.П. Шевелева и др.), в средней и южной полосе Северо-Западной Сибири на территории Тарского, Татарского, Каинского и Тобольского и уездов (отряды С.В. Абрамова, М.И. Дьякова, Л.И. Избышева и др.). Весной 1919 г. на территории Западной Сибири действовали уже десятки партизанских отрядов и групп, различных по численности, боеспособности и опасности для властей. Наиболее крупными из них были отряды П.К. Лубкова (около 250 чел.) и Г.Ф. Рогова (до 500 чел.). К середине 1919 г. общая численность партизан Западной Сибири достигла, по оценке некоторых историков, 10 тысяч человек.

С самого начала в партизанском движении тесно переплетались элементы стихийности и организованности. Крестьяне, со-

ставлявшие основной контингент партизанских отрядов, брались за оружие в большинстве своем стихийно, как правило, в ответ на притеснения и репрессии со стороны местных властей. Среди них немало было дезертиров, уклонявшихся от службы в Сибирской армии. Вместе с тем скрывавшиеся в сельской местности после антибольшевистского переворота большевики, бывшие советские работники, красноармейцы и красногвардейцы стремились оседлать нараставшую стихийную волну крестьянского недовольства. В результате зачастую именно они оказывались руководителями партизанских отрядов, причем, как правило, успеха добивались те из них, кто обладал организаторскими способностями, лидерскими качествами, кто демонстрировал личную храбрость, удачу, смекалку.

В то же время партизанские командиры, будучи в большинстве своем выходцами из крестьянской среды, в полной мере отражали характерные черты этого социального слоя населения. В условиях автономного существования партизанских отрядов и групп подобного рода руководители во многих случаях являли собой своеобразных предводителей вооруженной вольницы, крестьянских «атаманов», олицетворявших на локальной территории, на социально-политическом микроуровне в одном лице законодательную, исполнительную, и судебную власть. Попытки посланцев разного рода партийно-политических структур подчинить таких командиров своему влиянию заканчивались обычно безрезультатно. Характерно в связи с этим признание М.Ф. Ператинского, побывавшего в качестве представителя Томского нелегального комитета РКП(б) в отряде П.К. Лубкова. Во время первой же встречи П.К. Лубков твердо заявил ему: «Управлять мною я никому не позволю. Управлять и сам я могу»⁹.

«Атаманщина», или так называемая «батьковщина», будучи во многом проявлением стихийного крестьянского анархизма, неприятия какой-либо власти, была характерна практически для всех регионов России, где имело место развитое повстанческо-партизанское движение.

⁹ Дмитриев И.С. Колчаковское подполье (1918–1919 гг.). Рукопись // ГАТО. Ф. 1612. Оп. 1. Д. 99. Л. 147.

В отличие от Западной, на территории Восточной Сибири партизанское движение уже в первый период своего существования в ряде мест приобрело большой размах, большую организованность и устойчивость. В Иркутской губернии в числе первых начал боевые действия осенью 1918 г. партизанский отряд анархиста Н.А. Каландаришвили. Несколько отрядов появилось на рубеже 1918–1919 гг. в районе Черемхова. На севере Ачинского уезда Енисейской губернии наибольшее беспокойство местным властям доставлял рейдовый партизанский отряд, который в конце декабря 1918 г. организовал и возглавил бывший начальник уездной советской милиции П.Е. Щетинкин. С января 1919 г. отряд приступил к активным боевым действиям против колчаковцев и вскоре вырос до 450 человек.

Особенностью партизанского движения в Восточной Сибири являлась использование не только отрядно-групповой, но и очагово-территориальной формы его организации. Такая специфика во многом была обусловлена тем, что с самого начала движение развивалось здесь под сильным партийно-политическим и организационным влиянием большевиков и социалистов-революционеров, нередко соперничавших между собой.

Одним из крупнейших очагов партизанского движения в Восточной Сибири стала южная часть Канского и Красноярского уездов Енисейской губернии с центром в с. Степной Баджей. На занятой партизанами территории между реками Енисей и Кан (14 волостей с населением около 100 тыс. человек) с декабря 1918 г. до июня 1919 г. существовала так называемая «Степно-Баджейская (Заманская) партизанская республика» с партизанской армией под командованием А.Д. Кравченко и отступившего сюда в середине апреля 1919 г. со своим отрядом П.Е. Щетинкина. После их объединения численность партизан составила около 3,5 тыс. чел. Образовался так называемый Южно-Канский фронт. Высшим органом власти стал избранный на совещании представителей освобожденных волостей и партизанской армии объединенный Совет крестьянских, рабочих и партизанских депутатов Канского и Красноярского уездов (председатель — «левый» эсер П.П. Петров). Кроме того, был создан Армейский совет во главе с большевиком С.К. Сургуладзе.

Другим крупным очагом партизанского движения в Енисейской губернии стал район с. Тасеево на северо-востоке Канского уезда. Здесь в конце декабря 1918 г. была восстановлена советская власть, избран военно-революционный штаб во главе с большевиком В.Г. Яковенко. В январе 1919 г. возник так называемый Тасеевский (Северо-Канский) партизанский фронт, численность бойцов которого к лету 1919 г. составила около двух тысяч человек.

В феврале 1919 г. в районе с. Шиткино Енисейской губернии образовался небольшой партизанский отряд во главе с И.А. Бич-Таежным, который в марте приступил к активным действиям. 28 марта 1919 г. был создан партизанский отряд в с. Бирюсинском Тайшетской волости под командованием Н.А. Бурлова. Постепенно сложился так называемый Шиткинский фронт из семи отрядов в пределах 13 волостей Канского (Енисейская губерния) и Нижнеудинского (Иркутская губерния) уездов. К концу марта он насчитывал около полутора тысяч бойцов. В марте 1919 г. в Невонской волости Нижнеудинского уезда возник так называемый Баерский фронт, насчитывавший к середине 1919 г. около 300 человек (руководитель Ф.А. Антонов).

На территории Забайкалья инициаторами партизанского движения стали скрывавшиеся в горно-таежной местности на юго-востоке района бывшие партийные и советские работники. Они образовали в сентябре 1918 г. «лесные коммуны», представители которых избрали в ноябре 1918 г. военно-революционный штаб во главе с М.И. Бородиным. Осенью и зимой 1918–1919 гг. в Забайкальской области появилось также несколько других небольших партизанских групп. Весной 1919 г. в результате активизации своих действий партизаны образовали Восточно-Забайкальский фронт численностью до двух тысяч бойцов под командованием П.Н. Журавлева.

На первых порах белогвардейские власти пытались ликвидировать образовавшиеся партизанские отряды силами местной милиции. Однако почти сразу же обнаружилась ее неспособность справиться с этой задачей из-за малочисленности и низкого уровня подготовки милиционеров. Поэтому против партизан стали направляться крупные, более-менее подготовленные в военном отношении и хорошо вооруженные отряды особого назначения и регулярные части армии из состава дислоцировавшихся в сибирь

ских городах военных гарнизонов, а также из числа войск интервентов. Основные силы иностранных войск на территории Сибири располагались на линии Транссибирской железнодорожной магистрали, выполняя прежде всего задачу ее охраны. Но отдельные подразделения интервентов непосредственно участвовали в карательных операциях против партизан.

Однако и регулярные армейские части, насчитывавшие иногда сотни и даже тысячи солдат и офицеров, с самого начала вооруженной борьбы неоднократно терпели поражения и несли чувствительные потери в боях с партизанами. В частности, зимой 1918–1919 г. правительственному отряду дважды не удавалось штурмом взять укрепленное партизанами с. Тасеево, несмотря на применение пулеметов и артиллерийских орудий. Безуспешными в первые месяцы 1919 г. оказались и попытки ликвидировать силами крупного карательного отряда «Степно-Баджейскую республику». Не удавалось предотвратить вооруженные вылазки партизан Иркутской губернии на Транссибирскую магистраль. В мае 1919 г. тайшетские партизаны даже на две недели парализовали железнодорожное движение. В июне набеги партизан продолжались. «На участке ст. Тайшет — Тулун продолжается разборка путей красными [...]. Поезда ходят только днем», — сообщал комендант железнодорожного участка начальнику штаба Иркутского военного округа¹⁰. Успешные действия партизанских отрядов во многом были обусловлены хорошим знанием местности, применением характерной для такого рода борьбы тактики: использование засад, внезапные налеты и быстрое отступление, временное рассредоточение на мелкие группы с последующим объединением и т. п.

Расширение партизанского движения, активизация боевых действий партизан в первые месяцы 1919 г. вызвали серьезное беспокойство колчаковской власти. Несмотря на действия карательных отрядов, партизанское движение удавалось в лучшем случае локализовать, но не подавить. До поры, до времени в качестве «союзника» колчаковской власти выступала сибирская зима с ее холодами и глубокими снегами, ограничивавшими действия партизан. Но с наступлением лета и тепла следовало ожидать расши-

¹⁰ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 203.

рения и усиления движения. «Пройдет два-три месяца, — предупредила выходящая в Томске либеральная газета «Сибирская жизнь», — и борьба с этими бандитами может стать невозможной [...]. С наступлением весны всем этим шайкам „под каждым кустом будет готов и стол, и дом“. Более благоприятной обстановки для таких операций, как наша Сибирь, трудно что-либо и придумать. Примкнут к этим шайкам все недовольные — а их много — взбунтуется деревня, и борьба с ними окажется очень тяжелой. Самые энергичные и широкие мероприятия необходимы сейчас же, чтобы потом не услышать о сибирских Емельках Пугачевых и Стеньках Разиных»¹¹.

В конце весны — начале лета 1919 г. правительственные вооруженные формирования усилили давление на партизан, проведя ряд успешных операций как в Западной, так и в Восточной Сибири. Был наголову разгромлен партизанский отряд П.К. Лубкова, погибло свыше 100 его бойцов. В середине июня степнобаджейские партизаны после почти месяца боев оказались вытесненными из своей «республики» и отступили под натиском превосходящих колчаковских войск на юг Енисейской губернии, совершив тысячекилометровый переход по таежной местности. Тогда же тасеевские партизаны были загнаны на 100 верст к востоку от своего центра, вглубь тайги. Военный министр Российского правительства генерал-майор Н.А. Степанов требовал в конце апреля¹² 1919 г. от командующих войсками сибирских округов продолжения борьбы с партизанами: «Банды нужно беспощадно уничтожать. Вытеснение банд из одного района в другой цели не достигает»¹³.

Однако военные неудачи партизан оказались временными в условиях неуклонно нараставшего недовольства политикой колчаковского правительства со стороны значительной части городских и сельских жителей. В городах, где находились сильные военные гарнизоны, попытки антиправительственных вооруженных выступлений, в которых участвовали рабочие и солдаты, сравнительно

¹¹ Сибирская жизнь (Томск), 1918. 8 февр.

¹² В сборнике документ ошибочно датирован 29 июня; правильно: «29 апреля».

¹³ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 174.

быстро подавлялись. Большинство городского населения проявляло свое отношение к происходившим событиям в 1919 г., главным образом, в пассивной форме, не поддерживая власть. Ярким проявлением такого поведения был абсентеизм горожан во время избирательной кампании в городские думы летом 1919 г. В большинстве сибирских городов к урнам пришло менее четверти избирателей, а кое-где их число составило лишь от 5 до 10 процентов.

Сопrotивление сибирского крестьянства оказалось более активным и успешным. В июле — августе 1919 г. в сельской местности вспыхнул ряд крупных вооруженных восстаний, из числа участников которых сначала сформировались многочисленные партизанские отряды, а затем появились и новые обширные очаги движения.

В июле 1919 г. произошло крестьянское восстание в опасной близости от Транссибирской железнодорожной магистрали на территории Западной Сибири в пределах Каинского, Тарского и Татарского уездов. Оно охватило несколько десятков волостей. Сформированные вооруженные отряды повстанцев во главе с И.С. Чубыкиным, Л.Т. Ярошенко, Ф.З. Коркиным, А.П. Мацуком и другими командирами перешли к энергичным действиям, развернув наступление на уездные центры Каинск, Тару и Татарск. Против повстанцев и партизан были направлены регулярные части Белой армии, которым в течение нескольких недель удалось подавить основные очаги сопротивления. Однако рассеянные по таежной территории партизаны вскоре вновь организовались в отряды и группы, продолжив вооруженную борьбу против колчаковской власти.

В Степном Алтае 2 августа 1919 г. началось вооруженное восстание крестьян с. Зимино и окрестных селений. Большую роль в его подготовке сыграло антиколчаковское революционное подполье, к лету 1919 г. насчитывавшее около 30 сельских ячеек во главе с большевиками К.Н. Брусенцовым, Г.С. Ивкиным, А.В. Кольцовым, Г.Г. Конкориним, В.Е. Кузьминым, И.Л. Мавринским, М.А. Розинкиным, а также беспартийными Ф.И. Архиповым, Р.П. Захаровым и П.К. Чаузовым. В результате за десять дней к восставшим зиминцам присоединилось около 90 сел и деревень Барнаульского и Бийского уездов. В течение первых пяти дней их отряды захватили ст. Алейская, Топчиха, Шипуново, Пospelиха на

линии Алтайской железной дороги и Усть-Чарышскую пристань на р. Обь. Через казачьи станицы Бийской линии, в большинстве своем сдавшие повстанцам оружие в обмен на гарантию неприкосновенности населения, восстание перекинулось в Горный Алтай. Общая численность повстанцев достигла 15 тысяч человек. Но они были плохо вооружены, действовали отрядами, сформированными по территориальному принципу, без единого плана и в разных направлениях.

Из Барнаула, Бийска и Усть-Каменогорска на подавление восстания были направлены части регулярной армии, которым оказали поддержку местные дружины самообороны и часть казаков Бийской линии. Начались тяжелые бои. Станции Алтайской железной дороги от Калманки до Пospelихи, Усть-Чарышская пристань и некоторые казачьи станицы по несколько раз переходили из рук в руки. С обеих сторон была проявлена исключительная жестокость, в том числе по отношению к заложникам и гражданскому населению. Почти везде восставшие понесли тяжелые потери. Спасаясь от полного разгрома, несколько сотен повстанцев Зиминского района перешли через линию Алтайской железной дороги и через Боровский район ушли в Славгородский уезд, где действовал партизанский отряд под командой Е.М. Мамонтова. 28 августа они подошли к с. Мельниково Новичихинской волости, где такое соединение состоялось. Пришедшие зиминские повстанцы составили большую часть отряда Е.М. Мамонтова, который стал именоваться Южным фронтом.

Седьмого октября 1919 г. командный состав Южного и Северного фронтов (командующий И.В. Громов) Степного Алтая, принял решение объединиться в Западно-Сибирскую крестьянскую Красную армию. Первоначально она состояла из одного 3-го корпуса, разделенного на две дивизии. Командующим армией являлся Е.М. Мамонтов, командиром корпуса — И.В. Громов, начальником штаба корпуса — бывший казачий офицер беспартийный Я.П. Жигалин (В.П. Бурцев). С созданием армии все партизанские отряды обоих фронтов были преобразованы в восемь полков, которые контролировали большую часть Славгородского уезда, южную часть Каменского уезда и несколько волостей на западе Барнаульского уезда. В начале октября 1919 г. общая численность Западно-Сибирской крестьянской Красной армии достигла примерно 10 тыс. чел., около

трети из которых были вооружены разнокалиберными винтовками, остальные — дробовиками и холодным оружием, главным образом пиками. Кроме того, у партизан имелось около полутора десятков пулеметов.

Низший командный состав до командира роты включительно в армии избирался, высший — назначался. Дисциплина, базировавшаяся преимущественно на ненависти к колчаковскому режиму, оставалась низкой. Пьянство, мародерство, дезертирство, невыполнение приказов, в том числе боевых, были нередким явлением. Борьбу с этими недостатками вели командный состав, полковые советы и полковые товарищеские суды, действовавшие подчас достаточно решительно и даже жестоко. Большевики пытались наладить среди партизан политическую работу в интересах советской власти, но из-за своей малочисленности (их количество не превышало трех десятков человек) не могли развернуть ее широко. 9–10 сентября 1919 г. в с. Леньки по их инициативе был проведен съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов восставших местностей Алтайской губернии и избран Областной совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, исполнительный комитет которого возглавил большевик П.К. Голиков. Формально большинство партизан боролось за восстановление советской власти, понимаемой, правда, по-разному. Среди них были как сторонники «диктатуры пролетариата», так и ее противники. Но еще больше партизан не хотело никакой власти и являлось носителями стихийного анархизма.

В начале октября и в начале ноября 1919 г. колчаковское командование пыталось окружить и разгромить степноалтайских партизан. Однако оба раза командование Западно-Сибирской крестьянской Красной армии воспользовавшись отсутствием должной координации в действиях противника, навязало ему бои до того, как белогвардейцам удалось замкнуть кольцо окружения. В результате оба раза — в середине октября и еще месяц спустя — в боях, которые велись в основном на территории Покровской волости Славгородского уезда, колчаковцы понесли большие потери в людях и вооружении. Получив информацию о взятии Омска Красной армией, они поспешно отошли к линии Алтайской железной дороги.

С этого времени Западно-Сибирская крестьянская Красная армия сама перешла в решительное наступление по всем направлениям. Деморализованные колчаковские войска фактически не оказывали партизанам никакого сопротивления, чаще всего сдавая населенные пункты без боя. 19 ноября партизаны заняли уездный город Славгород, 28 ноября — Камень-на-Оби, ст. Рубцовка и ст. Шипуново, 2 декабря партизанские полки вошли в Павлодар и Семипалатинск, 6 — в Змеиногорск, 10 декабря — в Барнаул. В результате почти вся территория Степного Алтая и ряда прилегающих к нему районов была освобождена партизанами от белогвардейцев за несколько дней до прихода частей 5-й советской армии, на которую была возложена задача завершить разгром колчаковских войск.

В ходе наступления численность Западно-Сибирской крестьянской Красной армии стремительно выросла как за счет добровольцев-крестьян, так и за счет переходивших на ее сторону бывших колчаковских солдат. В конце ноября 1919 г. она была реорганизована: в армии стало два корпуса, каждый из которых включал в себя по две дивизии, насчитывавшие в общей сложности 25 полков. Численность армии достигла примерно 35 тыс. штыков и сабель.

Рост численности партизан сопровождался резким улучшением ее вооружения. На железнодорожных станциях и в городах они захватили тысячи винтовок, десятки пулеметов, сотни тысяч патронов, орудия и снаряды. Часть оружия и боеприпасов партизанам передали перешедшие на их сторону колчаковские части, в том числе команды бронепоездов и броневиков. В результате партизаны, по признанию их командиров, вооружились «до зубов». На ее вооружении имелось 17 тыс. винтовок, свыше 100 пулеметов, 11 орудий. К началу декабря 1919 г. Западно-Сибирская крестьянская Красная армия стала серьезной вооруженной силой, считаться с которой были вынуждены не только колчаковцы, но и командование 5-й советской армии.

В августе 1919 г. повстанческо-партизанские отряды появились и на территории Горного Алтая. В конце сентября 1919 г. они объединились в партизанскую бригаду численностью до двух тысяч человек, а затем в 1-ю Горно-Алтайскую партизанскую дивизию под командованием анархиста И.Я. Третьяка. В течение осени 1919 г. горноалтайские партизаны выдержали несколько боев с

карательными отрядами под командованием полковника Хмелевского, Кайгородова и др., но все же были оттеснены в глубь Алтайских гор.

Крупным очагом партизанского движения стал так называемый Причерный (Чумышский) край, находившийся на границе Томской и Алтайской губерний, в который входило до 30 волостей Барнаульского, Бийского, Новониколаевского и Кузнецкого уездов. На состоявшемся 12 июля 1919 г. крестьянском съезде был создан краевой исполнительный комитет (председатель И.Ф. Чекрыжов) и принято решение об объединении всех партизанских сил под командованием анархиста Г.Ф. Рогова. К осени 1919 г. по реке Чумыш возник партизанский фронт. К декабрю 1919 г. численность его бойцов составляла около четырех тысяч. Примерно половина из них входила в партизанские формирования во главе с Г.Ф. Роговым, из остальных в начале декабря 1919 г. была сформирована 1-я Чумышская партизанская дивизия под командованием большевика М.И. Ворожцова (Анатолия).

Тринадцатого декабря 1919 г. партизанские отряды, действовавшие на юго-востоке Томской губернии, объединились в «партизанскую армию Мариинского, Щегловского и Кузнецкого уездов» под общим командованием В.П. Шевелева-Лубкова, преобразованную 20 декабря 1919 г. в 1-ю Томскую дивизию численностью до тысячи бойцов.

К концу лета 1919 г. оправившись от неудач партизаны Енисейской губернии. Партизанская армия под командованием А.Д. Кравченко, вынужденная отступить через тайгу в Белоцарск (в настоящее время г. Кызыл, столица Республики Тыва), нанесла 29 августа 1919 г. поражение преследовавшему ее крупному правительственному отряду под командованием есаула Г.К. Бологова. В качестве трофеев партизанам достались два орудия, более десятка пулеметов, сотни винтовок. Развернув вскоре успешное контрнаступление на Минусинск, партизаны к середине сентября захватили этот уездный город. В конце того же месяца здесь был созван первый Чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, избравший Объединенный совет. К декабрю 1919 г. партизанская армия выросла до 22 тысяч человек. На ее вооружении имелось уже 153 пулемета и пять орудий.

В августе 1919 г. тасеевские партизаны также перешли в контрнаступление и вернули утраченную ранее территорию. На первом съезде Северо-Канского фронта они избрали Армейский совет — высший орган партизанской армии во главе с председателем большевиком В.Г. Яковенко. Командующим фронтом стал Н.М. Буда. В ноябре 1919 г. партизанская армия насчитывала примерно 10 тысяч бойцов при 15 орудиях и 170 пулеметах.

Летом 1919 г. в Приангарье передислоцировался партизанский отряд Н.А. Бурлова. Вместе с местными партизанами и бойцами перешедшей на сторону партизан роты особого назначения, сформированной белыми из числа бывших красноармейцев-военнопленных, здесь образовался Северо-Восточный партизанский фронт численностью до 800 человек во главе с командующим Д.Е. Зверевым и начальником штаба В.К. Костычевым. В результате появился Ангаро-Илимо-Ленский партизанский район на территории семи волостей, где высшим органом власти стал Временный центральный военно-революционный совет Северо-Восточного края Сибири во главе с В.К. Брумом.

В Восточном Забайкалье в начале осени 1919 г. численность партизан выросла до трех тысяч. Они с переменным успехом вели бои с казаками атамана Г.М. Семенова и японцами. На территории Западного Забайкалья партизаны, заняв к концу января 1920 г. значительную территорию между реками Селенгой и Чикой, созвали в с. Бичура съезд представителей восставших селений, на котором был избран Центральный исполком советов Прибайкалья.

Успехи и неудачи партизан были обусловлены многими факторами. Важное значение имел социальный состав партизанского движения — преимущественно крестьянского, в котором лишь очень незначительный удельный вес составляли рабочие и представители интеллигенции. Будучи сложным социально-политическим явлением, это движение развивалось под сильным и противоречивым воздействием элементов стихийности и сознательности. Стихийность в рядах партизан во многом была обусловлена особенностями социальной психологии крестьянства, повышенной нервозностью и импульсивностью его революционности, способностью ее быстро превращаться при неудачах в нерешительность, неуверенность и паникерство. Стихийный крестьянский анархизм содержал в себе момент отрицания всякой власти вообще. На-

строения стихийного анархизма нередко выливались в акты самосудов, бессмысленных разрушений, грабежей, а иногда и настоящих погромов.

Важным фактором, ограничивавшим масштабы партизанского движения, являлось стремление многих партизан и даже целых крупных партизанских формирований вести военные действия только в районах своего проживания. К примеру, в момент отступления с территории Степно-Баджейской республики армия А.Д. Кравченко — П.Е. Щетинкина сократилась в 2,5 раза за счет отказавшихся покинуть свои селения партизан. Отступившие в глубину Алтайских гор партизаны И.Я. Третьяка недосчитались трех полков, бойцы которых также разошлись по своим домам. Немалый вклад в усиление стихийности, в дезорганизацию движения вносили лица с девиантным поведением и уголовные элементы, оказавшиеся в Сибири вследствие существовавшей здесь на протяжении многих десятилетий каторги и ссылки. От рук уголовно-бандитских элементов, занимавшихся грабежами и насилием, погиб ряд партизанских командиров, в том числе Е.П. Попов и А. Анфиногенов.

Устойчивость и эффективность партизанской борьбы напрямую зависела от военной организации партизан, поскольку партизанские отряды и группы представляли собой иррегулярные вооруженные формирования, тогда как сражаться им приходилось в основном с регулярными частями правительственных войск. Обращает на себя внимание большое разнообразие в деле военного строительства у сибирских партизан. Наряду с многочисленными аморфными отрядами и группами, действовавшими на протяжении всего периода гражданской войны и на всей территории Сибири, в ряде мест создавались более-менее грамотно организационно оформленные и структурированные партизанские подразделения, которые в военном строительстве ориентировались на регулярную армию. В частности, степнобаджейские партизаны почти сразу же сформировали два полка, увеличив к лету 1919 г. их число до пяти. У тасеевских партизан уже в момент выступления бойцы были разделены на четыре роты, конный отряд и лыжную команду. Отряд А.И. Избышева в Тарском уезде подразделялся на батальоны.

Весной 1919 г. в ряде районов Сибири предпринимались попытки объединения и координации действий отдельных отрядов. В

апреле 1919 г. состоялась партизанская конференция представителей партизанских отрядов, действовавших на территории Тарского, Татарского и Каинского уездов, избравшая штаб во главе с Л.И. Избышевым и Г. Захаренко. На совещании тасеевских партизан 28–29 апреля 1919 г. было решено объединить все мелкие отряды и подчинить их Тасеевскому военно-революционному штабу. Аналогичное решение в начале мая 1919 г. приняла Шиткинская военная конференция, делегаты которой высказались за формирование единого штаба и разработку единого плана военных действий. Предпринимались шаги к координации действий отдельных партизанских районов и фронтов: Тасеевского и Степно-Баджейского, Тасеевского и Шиткинского, Шиткинского и Баерского. Правда, контакты эти носили преимущественно информационный характер.

Военное строительство у сибирских партизан не осталось без внимания представителей колчаковского командования. Военный министр генерал-майор Н.А. Степанов в одной из своих телеграмм в мае 1919 г. отмечал «истинно воинское понимание у красных первостепенной важности организации введением у себя повсеместно однотипно сформированных боевых единиц»¹⁴.

На первом этапе движения партизанские формирования пополнялись преимущественно за счет добровольцев, что сдерживало рост их численности. Однако во второй половине 1919 г. во всех крупных районах движения партизанские органы власти стали прибегать к мобилизациям боеспособного мужского населения. Наряду с расширением притока добровольцев, принудительные мобилизации придали партизанскому движению массовость, что обусловило, в свою очередь, широкий размах и целенаправленный характер военно-организационной работы. К концу 1919 г. армия Е.М. Мамонтова на территории Степного Алтая была сведена в два корпуса и пять дивизий, горно-алтайские партизаны — в дивизию из 11 полков, тасеевские партизаны — в шесть полков, шиткинские — в один полк. Партизаны Восточно-Забайкальского фронта были разделены на шесть кавалерийских, два пехотных полка и китайский батальон. При этом, однако, даже на террито-

¹⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 174.

рии партизанских «республик» оставались отдельные отряды и группы, сохранявшие автономию либо лишь номинально подчинявшиеся «республиканскому» руководству.

Численность партизанских подразделений сильно отличалась не только в разных районах движения, но и в пределах отдельных его районов. В полках армии Е.М. Мамонтова количество бойцов колебалась от одной до нескольких тысяч, а в ротах — от нескольких десятков до нескольких сотен. В армии А.Д. Кравченко Канский полк насчитывал 2242 бойца, тогда как Манский — 4750, а численность многих рот достигала 300 и более человек.

Одновременно в партизанских формированиях предпринимались меры по укреплению дисциплины. С этой целью разрабатывались и принимались «Уставы товарищеской дисциплины» (у степнобаджейских партизан), «Инструкция командному составу» и «Инструкция для товарищей солдат» (в Степном Алтае) и т. п. документы, главным образом, в районах развитого партизанского движения. В них определялись права и обязанности как рядовых бойцов, так и лиц командного состава. В документах о дисциплине нашли отражение многие положения и требования уставов регулярной армии. Наиболее тщательно они были разработаны у минусинских, шиткинских, ангаро-илимо-ленских партизан. Для поддержания дисциплины в некоторых партизанских формированиях создавались военно-революционные суды и трибуналы.

Вовлечение в ряды партизан в ходе проводимых партизанскими органами власти мобилизаций крестьянской молодежи, не имевшей военной подготовки, потребовало организации военного обучения. Съезд степноалтайских партизан в сентябре 1919 г. принял решение «немедленно построить школы или учебные команды для обучения или преподавания военных уставов и планов солдатам и тактики военных действий»¹⁵. Занятия по военной подготовке осенью 1919 г. проводились у тасеевских, шиткинских, ангаро-илимо-ленских партизан. У последних для этой цели использовались даже попавшие в плен белогвардейские офицеры.

В основе военного строительства у сибирских партизан в одних случаях лежал принцип построения старой Русской армии, в

¹⁵ Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959. С. 555.

других — опыт первых формирований Красной армии, в третьих — в полной мере проявилось творчество самих партизанских масс. Сильнейшее влияние на процессы военного строительства оказало присутствие в движении бывших фронтовиков, участников Первой мировой войны, составлявших в конце 1919 г. не менее трети общего числа сибирских партизан. Именно эти люди — рядовые и унтер-офицеры, очень редко — обер-офицеры (например, штабс-капитан П.Е. Щетинкин), побывавшие в горниле сражений, имели представление об устройстве армейской машины. Однако ориентиром для них была, скорее, не дореволюционная Русская армия, а та, какой она стала после Февральской революции 1917 г. в результате процесса демократизации. Бывшие красногвардейцы и красноармейцы, оказавшиеся в рядах партизанского движения, также внесли свою лепту в процессы его военно-организационного оформления. Отсюда широко распространенные в сибирских партизанских формированиях выборность командного состава, решение многих вопросов посредством митингов, голосования, «товарищеская дисциплина» и т. п. явления, характерные для вооруженных формирований революционной России периода 1917 — первой половины 1918 г. В результате сибирское партизанское движение в организационном отношении существенно уступало регулярным армиям, как Белой, так и Красной образца 1919 г.

Организационная слабость партизанского движения очень часто приводила к расколу отрядов, особенно в периоды военных неудач. Отдельные группы, отряды и даже целые полки (Агинский полк армии А.Д. Кравченко, Алейский полк армии Е.М. Мамонтова) отказывались подчиняться командованию, расходились по домам или же ограничивались только защитой своих селений. В этих условиях оказалось недостижимым объединение под единым командованием партизанских формирований не только на территории в целом всей Сибири, но даже в пределах отдельных губерний.

В крупных районах партизанского движения высшими военными органами партизан были преимущественно выборные армейские советы, военно-революционные и главные штабы, возглавлявшиеся председателями и главнокомандующими. Командный состав на первом этапе, как правило, был выборный. На втором этапе наряду с принципом выборности, доминировавшим в небольших автономно действовавших отрядах, стало уже практи-

коваться в некоторых крупных партизанских районах назначение либо утверждение командного состава партизанскими органами власти. Была установлена соподчиненность командного состава, близкая к имевшейся в регулярной армии. Иногда происходили смещения и чистки комсостава. Однако выборность командиров так и оставалась преобладающей до самого конца движения. В крупных партизанских формированиях для ведения военно-оперативной работы создавались малочисленные по своему составу импровизированные штабы. Однако, не имея подготовленных штабных работников, они не способны были выполнять необходимые функции в полном объеме.

Военная квалификация подавляющего большинства партизанских командиров была не выше уровня унтер-офицеров Русской армии. Между тем организационное оформление массового партизанского движения потребовало большого числа лиц командного состава, в особенности младших командиров. На завершающем этапе партизанской борьбы в армии Е.М. Мамонтова насчитывалось около 300 рот и почти тысяча взводов, у горно-алтайских партизан — 60 рот и 240 взводов. Для обеспечения партизанских формирований младшим командным составом руководство партизан прибегало в ряде мест к мобилизациям унтер-офицеров, фельдфебелей, подпрапорщиков, вахмистров старой армии. В некоторых партизанских районах (Гасеевский, Минусинский, Степной Алтай) были организованы школы для подготовки младшего комсостава, впрочем, не игравшие сколько-нибудь заметной роли.

В подражание Красной армии предпринимались даже попытки создания института политических комиссаров — в партизанской армии Е.М. Мамонтова, у горно-алтайских партизан. Однако, в отличие от красноармейских формирований, партизанские комиссары в большинстве своем были беспартийными.

Вершиной военного строительства партизанских сил в тылу колчаковщины явилось создание Восточно-Сибирской советской армии. Она была образована после взятия власти в Иркутске военно-революционным комитетом в конце января 1920 г. по образцу Красной армии из вооруженных частей Политцентра (временный коалиционный демократический орган власти), рабочих дружин и партизанских формирований Иркутской губернии. Главнокомандующим армией являлся бывший командующий Северо-

Восточным партизанским фронтом, участник Первой мировой войны Д.Е. Зверев, политическим комиссаром — Л.Я. Колос (Леонидов), начальником штаба — Бандейкин. В состав армии вошли шесть дивизий и Интернациональная бригада. Из них две дивизии полностью и одна более чем наполовину состояли из партизан. К концу февраля 1920 г. численность армии составила 26717 пехотинцев и 1259 кавалеристов, имевших на вооружении 96 пулеметов.

В большинстве районов развитого партизанского движения создавались и функционировали, наряду с военными органами власти (армейскими советами, выборными штабами), также и гражданские советы, которые избирались местным населением. Между ними порой возникали серьезные трения и разногласия, связанные с борьбой за полноту власти. На практике эта борьба обычно заканчивалась в пользу военных, в распоряжении которых находилась вооруженная сила.

В составе органов власти большинства крупных партизанских районов имелись агитационные отделы. В их задачу входило разъяснение целей борьбы, агитация за вступление в партизанские ряды новых бойцов, распространение информации о военно-политической обстановке и т. п. Агитационно-пропагандистская работа велась как в устной, так и в письменной форме. Предпочтение зачастую отдавалось устной агитации в форме митингов, бесед и т. п., поскольку значительная масса партизан была неграмотной или малограмотной. Вместе с тем агитационные отделы, а там, где их не было — штабы, советы или другие партизанские органы власти — выпускали печатные воззвания, обращения, призывы, которые читались перед группами партизан или местного населения.

Почти во всех крупных партизанских соединениях имелась своя периодическая печать. В общей сложности на территории Сибири выходило не менее 12 изданий. Из них типографским способом печатались только три газеты, причем все — после захвата партизанами городов и конфискации необходимого типографского оборудования: «Соха и молот» (г. Минусинск, с 21 сентября 1919 г. до 18 февраля 1920 г., выпущено 75 номеров), «Знамя борьбы и труда» (г. Семипалатинск, декабрь 1919 г., 14 номеров), «Известия штаба 3-го крестьянского корпуса» (г. Камень, с 29 ноября по 10 декабря 1919 г., около 10 номеров). Что же касается периодиче-

ских изданий, выпускавшихся в селах, то тиражировались они с помощью простейших печатающих устройств: гектографов, шапирографов, а чаще всего — посредством пишущих машинок в небольшом количестве экземпляров. Из числа машинописных изданий наибольшее количество номеров было выпущено в с. Тасеево — примерно 50 («Известия Тасеевского военно-революционного штаба» («Военные известия»)).

Наряду с военно-политическими задачами на освобожденной партизанами территории решались и различные хозяйственно-экономические вопросы. В составе партизанских органов власти создавались специальные отделы и подотделы: хозяйственные, финансовые, земельные, труда и промышленности, призрения и т. п., цель которых заключалась прежде всего в обеспечении бесперебойного снабжения партизанских сил и в регулировании хозяйственно-экономических процессов на освобожденной территории. Снабжение осуществлялось путем бесплатных добровольных пожертвований со стороны населения, а также конфискации и реквизиции у сторонников колчаковщины, у зажиточной части населения. В некоторых партизанских районах был введен прогрессивно-подходящий натуральный налог, денежное обложение (у шиткинских партизан), самообложение (Степно-Баджейский и Минусинский районы), единовременный налог и даже продовольственная разверстка (Степной Алтай), устанавливались твердые цены, проводились трудовые мобилизации, национализировались предприятия. Освобожденные партизанские районы превращались в своеобразные военные лагеря, вся жизнь которых была подчинена достижению победы над противником.

В то же время в районе действия автономных партизанских отрядов их снабжение осуществлялось, главным образом, посредством набегов на волостные центры, где подвергались ограблению местные земские управы, почтовые отделения, зажиточные крестьяне и торговцы. В результате антиправительственные действия таких отрядов тесным образом переплетались с уголовным бандитизмом. Наиболее ярко, пожалуй, это демонстрировали партизанские отряды, оперировавшие на территории Томской губернии. Местные проправительственные газеты в 1919 г. регулярно помещали информацию о нападениях «бандитских шаек», т. е. партизанских отрядов и групп, на сельские населенные пункты.

На заключительном этапе движения партизанский бандитизм стал угрозой и для окраинных городов. Едва ли не самым крупным и трагичным его проявлением в Западной Сибири стал разгром в декабре 1919 г. объединенным отрядом под командованием анархистов Г.Ф. Рогова и И.П. Новоселова небольшого уездного города Кузнецка на юге Томской губернии. В течение трех суток партизаны производили массовую расправу над всеми, кто был причастен к белогвардейским органам власти и управления, расстреливали офицеров и представителей интеллигенции, жгли церкви. Одновременно они разграбили имущество состоятельных горожан и покинули разоренный город с внушительным по размерам обозом. Впрочем, самосуды, самовольные реквизиции, конфискации, грабежи были частым явлением и на территории партизанских «республик». Руководство Минусинского партизанского района, чтобы справиться с такого рода негативными явлениями, было даже вынуждено с 1 декабря 1919 г. ввести на подконтрольной ему территории осадное положение.

Сама обстановка гражданской войны порождала и усиливала в рядах всех противоборствующих сторон ненависть к противнику, жестокость, применение пыток, порой самых что ни на есть варварских. Исторические источники содержат массу фактов такого рода с участием сибирских партизан. Однако и действовавшие против них карательные отряды также в полной мере использовали методы устрашения, прибегали к массовому насилию: истязаниям и расстрелам без суда и следствия попавших в плен партизан, сожжению их домов, конфискации имущества. Иначе говоря, белый и красный (точнее его можно было бы назвать «зеленым») террор был неотъемлемой частью борьбы между силами революции и контрреволюции в сибирском тылу последней.

Партизанское движение пытались подчинить своему влиянию различные политические партии и группы, прежде всего большевики, эсеры и анархисты. Наибольших успехов добились большевики, под идейным или организационным воздействием которых уже летом 1918 г. в сибирской деревне появились первые подпольные организации, в которых к началу 1919 г. состояло несколько тысяч человек. Участники сельского революционного подполья составили ядро многих партизанских отрядов.

В рядах сибирских партизан находилось несколько сотен членов коммунистической партии. Наиболее заметную роль среди них играли Ф.Я. Бабкин, С.Т. Баталов, М.П. Богданович (Волгин), Н.М. Буда, И.А. Вашкорин, М.И. Ворожцов, П.К. Голиков, И.В. Громов, Д.Е. Зверев, М.А. Игнатов, И.П. Маздрин, Я.П. Новиков, П.Е. Щетинкин и В.Г. Яковенко. ЦК РКП(б) посредством специально образованного в декабре 1918 г. Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК, а также сибирских нелегальных большевистских организаций стремился поставить партизанское движение под свой идейно-организационный контроль. Однако централизованного воздействия не получилось. Руководящие сибирские партийные органы большевиков оказались разгромленными колчаковской контрразведкой. Существенно ослаблены были в результате многочисленных арестов их губернские и городские структуры. Поэтому члены коммунистической партии, оказавшиеся в рядах партизан, действовали, как правило, самостоятельно, на свой страх и риск, опираясь лишь на собственный политический опыт, идеологический багаж, с учетом специфики обстановки. При этом далеко не все из них действовали в духе программы РКП(б), допуская нередко своеобразный «крестьянский уклон».

Два относительно крупных партизанских отряда на протяжении всего времени находились под непосредственным руководством идейных анархистов. Отряд И.П. Новоселова в Томской губернии, насчитывавший около 100 чел., сражался под черным знаменем с надписью «Да здравствует анархия — мать порядка», а походной песней его бойцов был «Гимн анархистов». Ядро отряда составляли члены созданной И.П. Новоселовым и М. Скударновым крестьянской анархистской коммуны в д. Баерак Кузнецкого уезда. Эта коммуна была одной из четырех анархистских организаций, существовавших весной 1918 г. на территории Томской губернии. Другой отряд, под командованием Н.А. Каландаришвили, действовал в Иркутской губернии и насчитывал к декабрю 1919 г. около 500 человек. Кроме того, отдельные анархисты входили в состав руководящих партизанских органов власти.

Одновременно с коммунистами Сибирский краевой комитет партии социалистов-революционеров и Сибирский союз социалистов-революционеров также пытались идейно-политически и организационно воздействовать на партизанское движение, стремясь

направить его в русло борьбы за Учредительное собрание и «истинное народовластие». Наряду с «правыми» эсерами и более умеренными эсерами-центристами, в рядах сибирских партизан находилось немало также и «левых» эсеров. Социалисты-революционеры возглавляли некоторые партизанские формирования (в частности, «левые» эсеры Г.Д. Шувалов, В.А. Зворыкин), занимали высокие должности в отдельных партизанских органах власти.

Социальная и политическая неоднородность партизанского движения, различные идейно-политические устремления его участников, присутствие членов и сторонников различных политических партий и групп обусловили напряженную внутреннюю идейно-политическую борьбу в ряде партизанских формированиях и на освобожденных партизанами территориях. На первом этапе движения наиболее упорная борьба между большевиками с одной стороны, эсерами и меньшевиками — с другой развернулась в Шиткинском районе. Члены оформившейся в Тайшете эсеро-меньшевицкой группы «Единство» вошли в командный состав партизанского фронта (Е. Кочергин, И.А. Кочергин, Н.И. Куприянов, Я.М. Москвитин, Ф.М. Чайковский), заняв при этом ключевые посты. В результате партизанский штаб провозгласил и на первых порах активно пропагандировал лозунги борьбы за Учредительное собрание, «за народное право», «за чисто крестьянскую власть». Почти на каждом заседании штаба происходили идейно-политические споры. Однако на состоявшихся в мае 1919 г. в с. Шиткино военной и гражданской конференциях сторонники борьбы за «чисто крестьянскую власть» потерпели поражение. Из 36 делегатов гражданской конференции 25 проголосовало за резолюцию, в которой говорилось: «Двухгодичный опыт русской революции учит, что в борьбе трудящихся против буржуазии наилучшей государственной властью является власть самих трудящихся, организованная в советы. Всякая другая власть, под каким бы лозунгом она не выступала, в конечном счете является организацией буржуазии против трудящихся»¹⁶. В начале июля партизанский штаб был переизбран. Его членами стали преимущественно сторонники советской власти во главе с большевиком М.П. Богдановичем (Волгиным).

¹⁶ ЦХИДНИ КК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 864. Л. 11. Протокол конференции.

Другим очагом партизанского движения, где также наблюдалось значительное эсеровское влияние, была южная часть Енисейской губернии. Здесь эсеры и их сторонники, прежде всего члены действовавшей в с. Перовском группы «Союз левых народников», вошли в руководящий состав Степно-Баджейской, а затем Минусинской партизанских республик и армии А.Д. Кравченко. Представители левозсеровского течения П.П. Петров, А. Иванов, А. Низовцев и др. небезуспешно отстаивали лозунги борьбы за власть трудового крестьянства, выступали против какой бы то ни было диктатуры, в том числе диктатуры пролетариата, за внепартийные советы, которые должны избираться «трудовым народом» путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Эта идейно-политическая борьба нашла отражение на страницах партизанской газеты «Соха и молот», которую редактировал один из идеологов левозсеровского течения П.П. Петров — будущий советский писатель, а после него — А. Низовцев. Некоторые публицисты в своих публикациях допускали возможность отказа от советов как формы государственной власти. Что будет после разгрома колчаковщины, «какую форму правления примет народ — дело народа», — писал А. Низовцев¹⁷. Отдельные социал-демократы (меньшевики), оказавшиеся в рядах минусинских партизан (например, член президиума армейского совета А.К. Грюнберг (Загайный), не играли здесь сколько-нибудь заметной самостоятельной идейно-политической роли.

В левозсеровском духе в ноябре 1919 г. по докладу П.П. Петрова была принята внутренне противоречивая «Декларация съезда представителей крестьянской армии» (VI армейского съезда минусинских партизан). С одной стороны в ней отвергалась диктатура пролетариата, содержались требования свободы слова и печати для каждого человека, свобода собраний, союзов и других коллективных организаций, а также призыв к созданию единого социалистического фронта борьбы с колчаковщиной. Это шло вразрез с установками коммунистической партии. С другой стороны в «Декларации» заявлялось, что партизанская армия не признает никакой другой власти, кроме власти Российской советской федеративной социалистической республики. В таком виде документ в целом

¹⁷ Соха и молот (Минусинск). 1919. 19 окт.

был поддержан большинством коммунистов-партизан, а также командующим партизанской армией, в прошлом членом партии социалистов-революционеров, А.Д. Кравченко. Правда, вскоре после съезда отдельные большевики заявили о своих принципиальных разногласиях с «Декларацией», но она так и не была отменена вплоть до конца партизанской борьбы в этом районе.

Острые разногласия между большевиками и эсерами вспыхнули в конце 1919 г. внутри Временного краевого совета — высшего военного и гражданского органа власти в Ангаро-Илимоленском партизанском районе. Члены совета Редовский, Чернявский и Черных пытались направить его работу в русло борьбы за Учредительное собрание, тогда как большевики, в том числе председатель совета В.К. Брум, являлись сторонниками советской власти. Споры продолжались более двух недель, едва не дойдя до применения оружия. В ноябре 1919 г. эсеры заявили о выходе из состава краевого совета «по принципиальным и тактическим соображениям»¹⁸.

На территории Степного Алтая, прежде всего на юге Славгородского уезда, повстанческие штабы в ряде сел почти целиком состояли из эсеров. Их действия привели к тому, что 9 сентября 1919 г. на освобожденной партизанской территории одновременно начали работу два съезда — в с. Вознесенском, инициаторами которого были эсеры, и в с. Леньки, организованного большевиками и их сторонниками. Однако большинство делегатов обоих съездов выступило в поддержку советской власти. В результате спустя всего лишь два дня состоялось объединенное заседание представителей обоих съездов, одобрявшее решения, принятые в с. Леньки.

В августе и сентябре 1919 г. на совещаниях горноалтайских повстанцев и партизан в с. Солонешное и Черный Ануй были приняты эсеровские резолюции. Социалисты-революционеры возглавили Главный штаб, который декларировал в своих воззваниях: «Мы не преследуем партийных целей, мы оставляем в действии земские учреждения, заменяем правительственную милицию народными выборными. Достигая фронта войск Сибирского правительства и большевиков, мы предлагаем воюющим сторонам пре-

¹⁸ ГАИО. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 22. Л. 14. Протокол пленарного заседания краевого совета от 23 ноября 1919 г.

кратить бойню и предоставить народу высказаться, какую форму правления он желает»¹⁹. Эти установки полностью соответствовали программе Сибирского союза социалистов-революционеров. Однако в конце сентября 1919 г. с приходом в Черный Ануй партизанских формирований под командованием сторонника советской власти И.Я. Третьяка Главный штаб был упразднен. Спустя месяц был отвергнут и предложенный эсерами в качестве программы партизанского движения проект так называемой «Усть-Коксинской конституции», а вместо нее приняты «Временные правила гражданской власти на местах».

В конечном счете ни в одном из районов партизанского движения эсерам не удалось создать фронт борьбы за Учредительное собрание. Партизанское движение протекало в целом под лозунгом борьбы за советы. Просоветский характер сибирского партизанского движения во многом предопределил безуспешность попыток эсеро-земской антиколчаковской оппозиции Иркутска, Красноярска, Нижнеудинска, Канска, Тайшета войти в соглашение с партизанами в конце 1919 — начале 1920 г.

Однако, поддержав советы как наиболее приемлемую форму власти, сибирские партизаны во многом расходились с большевиками в понимании ее сущности и содержания. Прежде всего, советы для них выступали не в качестве органов диктатуры пролетариата, а как общедемократические, общекрестьянские структуры власти и управления. Это расхождение особенно рельефно проявилось чуть позднее, в 1920–1922 гг., когда десятки тысяч сибирских крестьян, в том числе многие бывшие партизаны, вновь взяли за оружие и снова под советскими лозунгами, только на этот раз они выступали «за советы без коммунистов».

Партизанское движение в конечном счете сыграло огромную роль в ослаблении и ликвидации на территории Сибири антибольшевистских режимов. Партизаны дезорганизовывали тыл, разгоняли местные органы власти «белых», милицию, разрушали коммуникации. Многие партизанские формирования, оперировавшие в районе стратегически важной Транссибирской железнодорожной магистрали, держали в постоянном напряжении охранявшие ее войска. Партизаны нападали на станции, разрушали железнодо-

¹⁹ РГВА. Ф. 929. Оп. 1. Д. 1. Л. 100.

рожные пути, мосты, обрывали телеграфные провода, организовали несколько крупных, вызвавших большой резонанс, крушений поездов. В результате снижалась пропускная способность железной дороги, страдало снабжение белых армий, срывались планы командования «белых». В сибирских газетах периода гражданской войны нередко помещались сводки боевых действий под рубрикой «На внутренних фронтах», настолько эти военные операции были заметными и чувствительными для «белых».

Осенью 1919 г. сибирские партизаны, по ориентировочным оценкам историков, отвлекали на себя до 20% дислоцировавшихся на территории края колчаковских войск и вооруженных сил интервентов. В конце сентября 1919 г. командующий войсками Омского военного округа генерал-лейтенант А.Ф. Матковский был вынужден объявить почти всю Западную Сибирь театром военных действий.

В многочисленных сражениях сибирские партизаны нанесли противнику чувствительный урон в живой силе и вооружении, уничтожив, ранив и взяв в плен десятки тысяч солдат и офицеров. Около восьми тысяч колчаковских солдат добровольно перешли на сторону партизан, в том числе солдаты 43-го и 46-го полков, команды бронепоезда «Сокол», броневиков «Туркестан» и «Степняк» в конце ноября 1919 г. на территории Степного Алтая. В то же время в боях с карательными отрядами и регулярными частями колчаковских и иностранных войск погибли и были ранены несколько тысяч сибирских партизан.

К концу 1919 г. партизаны самостоятельно освободили ряд сибирских городов: Илимск (10 сентября), Минусинск (13 сентября), Славгород (19 ноября), Камень (28 ноября), Барнаул (10 декабря), Щегловск (21 декабря) и др. Партизанское движение достигло такого размаха, что под контролем «белых» оставалась фактически лишь полоса вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали шириной до 100–150 верст, вдоль которой отступали их деморализованные армии.

Однако стратегическое (и историческое) значение сибирского партизанского движения заключалось не только в его военных, но едва ли не в большей степени в его социально-политических результатах. Будучи по своему социальному составу преимущественно крестьянским (а крестьянство составляло примерно 90% на-

селения Сибири), это массовое движение наглядно продемонстрировало узость социальной базы контрреволюционных сил, прежде всего военной диктатуры Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Именно отсутствие социальной поддержки со стороны большинства сибирского населения явилось одной из главных причин поражения контрреволюции на востоке России.

В октябре — ноябре 1919 г. произошли первые встречи сибирских партизан с наступавшими частями Красной армии, и началось их взаимодействие. Некоторым партизанским формированиям, действовавшим в ближайшем тылу противника, были даны конкретные оперативные задания по преследованию отступавших колчаковских войск. Такие задания получили, в частности, 6-я Горно-Степная дивизия и 4-й корпус партизанской армии Е.М. Мамонтова, дивизия И.Я. Третьяка, енисейские партизаны.

Разгром общего противника и восстановление в крае советской власти поставили вопрос о дальнейшей судьбе партизан. При этом явственно обнаружилась существенная разница в уровнях военного строительства и политического опыта, идейно-политическая неоднородность партизанского движения. В результате создавалась благоприятная почва для разного рода эксцессов, конфликтных ситуаций в процессе объединения партизан с Красной армией.

В соответствии с приказом Революционного военного совета Советской республики от 11 декабря 1919 г. запрещалось существование партизанских отрядов, как самостоятельных боевых единиц на советской территории. Не подчинявшиеся отряды предписывалось «подвергать беспощадной каре», особенно их командный состав и «кулацкие верхи». Революционный военный совет 5-й красной армии посвятил два специальных заседания, состоявшихся 24 и 25 декабря 1919 г., вопросам объединения регулярной армии с партизанскими частями. Итогом этих заседаний стал изданный Реввоенсоветом 5-й армии 26 декабря 1919 г. приказ, в котором был высоко оценен вклад сибирских партизан в освобождение края от колчаковщины и одновременно определен порядок формирования партизанских частей.

По решению советского командования около 15 тыс. сибирских партизан были влиты в состав 5-й красной армии, существенно ослабленной потерями в ходе наступления и нуждавшейся в

срочном пополнении. Достаточно сказать, что в январе 1920 г. количество раненых и больных тифом в ее рядах достигало 35 тыс. чел. В результате пополнения в отдельных бригадах 26-й стрелковой дивизии численность партизан доходила до 75 %.

Оказавшись в частях регулярной Красной армии, бывшие партизаны сразу же были подвергнуты массивной идейно-политической обработке со стороны армейских политработников и коммунистов. Политотделом 26-й стрелковой дивизии были изданы четыре специальных номера газеты «Красный партизан». По признанию заведующего политотделом этой дивизии А.Л. Шифреса, «партизаны сразу попали в железный охват нашего великолепного организованного административного аппарата»²⁰.

В начале 1920 г. была предпринята попытка формирования целиком из минусинских партизан регулярной дивизии Красной армии. Получившая название Енисейской стрелковой, эта дивизия численностью около 13 тысяч человек на основании приказа от 30 января 1920 г. стала создаваться в районе г. Ачинска. Командный состав дивизии сохранялся преимущественно партизанский во главе с А.Д. Кравченко, а штабной и политический формировался из работников 5-й красной армии. Однако слабая дисциплина, проводимые партизанами самовольные реквизиции, обыски, самосуды, а также идейно-политические трения между партизанским и армейским руководством привели спустя всего лишь месяц к разоружению дивизии. А.Д. Кравченко, будучи способным партизанским вождем, мало соответствовал должности начальника регулярной красноармейской дивизии. К концу марта 1920 г. она была расформирована. Часть ее бойцов была влита в запасной полк, в запасную батарею и в 27-ю стрелковую дивизию 5-й красной армии. Но немало бывших партизан из расформированной дивизии с оружием в руках разошлись по домам.

Разоружению был подвергнут и ряд других — ненадежных, по мнению красноармейского командования — партизанских формирований, главным образом на территории Западной Сибири (отряды Г.Ф. Рогова и И.П. Новоселова в декабре 1919 г., П.К. Лубкова в феврале 1920 г., некоторые части 4-го корпуса М.В. Козыря из Западно-Сибирской крестьянской Красной армии).

²⁰ РГВА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 395. Л. 1.

Основная масса западносибирских партизан (до 20 тысяч человек) вливалась в красноармейские части в течение полугода через сформированные в январе — феврале 1920 г. три запасных полка 5-й армии (в Барнауле, Новониколаевске и Семипалатинске). Непосредственно этой работой занималась инспекция пехоты 5-й армии во главе с Ф.В. Егоровым, помощниками которого были назначены бывшие партизанские руководители Е.М. Мамонтов, Я.П. Жигалин и И.Ф. Чеканов.

Около 15 тысяч бывших партизан, главным образом, старших возрастов вступили в Красную армию позднее, во второй половине 1920 г. Тогда же несколько десятков тысяч бывших сибирских партизан приняли участие в сражениях на Польском фронте и с войсками барона П.Н. Врангеля.

Значительное количество сибирских партизан было направлено на комплектование частей войск внутренней охраны (ВОХР). Целиком или частично из партизан состояли 65-я и 87-я стрелковые бригады ВОХР, Минусинский, Канский, Енисейский, Ачинский, Кузнецкий караульные батальоны, а также ряд караульных рот и иных подразделений ВОХР в других городах Сибири.

По-иному сложилась судьба иркутских партизан, входивших в Восточно-Сибирскую армию, которая была переформирована в 1-ю Иркутскую стрелковую дивизию (командир В.И. Буров, комиссар А.А. Ширямов). В марте 1920 г. дивизия, а также не вошедшие в нее партизанские отряды Н.А. Каландаришвили и Н.А. Бурлова, были переброшены в Забайкалье для борьбы с атаманом Г.М. Семеновым. Иркутские партизаны и повстанцы явились одним из основных источников комплектования Народно-революционной армии Дальневосточной республики, просуществовавшей до конца 1922 г.

К лету 1920 г. на территории Сибири не осталось ни одного партизанского формирования. Всего в ходе объединения с Красной армией в ее ряды влилось до одной трети сибирских партизан. Участники партизанского движения старше 35 лет были распущены по домам, также как и бойцы расформированных партизанских отрядов и подразделений, не пожелавшие добровольно вступить в Красную армию.

В процессе объединения решалась и судьба партизанских органов власти. Будучи во многом результатом творчества вос-

ставших народных масс, эти структуры, как правило, с большой осторожностью интегрировались в советскую государственную систему. Центральные партизанские органы власти были ликвидированы во всех районах движения, но при этом многие их члены включались в состав или в исполнительный аппарат уездных революционных комитетов, в партийные, хозяйственные и иные советские структуры. Так, председатель степноалтайского партизанского Облакома П.К. Голиков был назначен уполномоченным походного отделения Сибирского революционного комитета, члены Облакома Х.С. Скиба – председателем Семипалатинского областного революционного комитета, И.Д. Бобринский (Федько) — председателем, И.М. Колосов — членом, а З.С. Трунтов (Воронов), О.Е. Клевцов, И.П. Маздрин, М.И. Поздняков и А.В. Толоконников — заведующими отделами Каменского уездного революционного комитета. В состав Канского уездного революционного комитета вошли члены Гасеевского армейского партизанского совета В.Г. Яковенко (председатель), Г.Н. Бобылев и Е.К. Рудаков. С.К. Сургуладзе возглавил Минусинский уездный революционный комитет.

Среднее звено партизанских органов власти (районные военно-революционные штабы, комитеты, советы) на территории Западной Сибири обычно переименовывались в революционные комитеты и функционировали до февраля 1920 г., затем постепенно расформировывались, а их члены вливались в состав уездных и волостных советских органов. Низовые волостные и сельские партизанские советы и исполнительные комитеты выделяли из своего состава по три человека, которым присваивались права соответствующих ревкомов.

Ликвидация партизанских органов власти происходила далеко не просто. Часть бывших партизан настаивала на сохранении своих органов власти и управления, а также сформировавшихся в условиях партизанской борьбы форм и методов работы, которые нередко именовались «партизанщиной» (термин, который тогда широко использовался в лексиконе красноармейского командования и большевистского руководства для обозначения низкого уровня военного строительства и негативных проявлений в партизанском движении). В сфере советского строительства «партизанщина» проявлялась в невыполнении постановлений вышестоящих орга-

нов власти, самоуправстве, местничестве, нарушении законов со стороны отдельных сотрудников революционных комитетов, милиции и других местных органов. В ряде случаев своеобразным продолжением «партизанщины» на территории Сибири в начале 1920-х годов. стало уголовно-политическое явление, получившее название «красный бандитизм».

В процессе объединения с Красной армией имели место антикоммунистические выступления бывших партизан, отказ значительной их части подчиниться разоружению и роспуску, растаскивание по домам оружия, дезертирство. Только в Западной Сибири количество дезертиров — бывших партизан — из Красной армии составило около шести тысяч человек. Впоследствии — в конце весны, летом, осенью 1920 г. и в 1921 г. — часть бывших партизан, включая ряд известных партизанских командиров, с оружием в руках поднялась на борьбу против большевистской власти и проводимой ею политики «военного коммунизма» (вооруженные выступления под руководством Г.Ф. Рогова, И.П. Новоселова, П.К. Лубкова, Ф.Д. Плотникова и др.). Все эти восстания, несмотря на массовость и упорство повстанцев, в конечном счете были разгромлены. Причем в их подавлении наряду с регулярными красноармейскими частями участвовали также бывшие партизаны, оказавшиеся в коммунистических частях особого назначения.

После завершения гражданской войны и восстановления в Сибири советской власти партизаны и в мирное время продолжали оставаться наиболее социально активной частью населения. В начале 1920-х годов преимущественно из их числа пополнялись ряды членов и сочувствующих коммунистической партии, на одну треть из бывших партизан состояла рабоче-крестьянская милиция Сибири.

Советская власть, находившая в лице бывших партизан социальную опору в деревне, со своей стороны оказывала им определенную помощь. С целью возмещения убытков решением Сибирского революционного комитета от 7 мая 1920 г. разоренным партизанским районам выделялось 95 млн рублей; туда направлялись семена, скот, строительные материалы и т.п. В 1920-е годы участники партизанского движения пользовались государственными льготами и привилегиями.

Ряд бывших партизан впоследствии оказался на руководящей партийной, советской, хозяйственной работе, служил в органах ВЧК — ОГПУ. Некоторые из них занимали достаточно высокие номенклатурные должности в советской иерархии власти. В частности, В.Г. Яковенко являлся народным комиссаром земледелия и наркомом социального обеспечения РСФСР, П.К. Голиков редактировал всероссийскую «Крестьянскую газету», Л.В. Решетников работал секретарем Барнаульского городского комитета РКП(б), Н.М. Буда возглавлял милицию Енисейской губернии, Я.А. Пасынков — Томский городской отдел НКВД и т.д.

В начале 1930-х годов значительная часть бывших партизан была вовлечена в массовое колхозное строительство. В то же время некоторые из них подверглись «раскулачиванию», участвовали в крестьянских выступлениях, направленных против насильственной коллективизации. В период массовых политических репрессий в 1930-е годы сотни участников сибирского партизанского движения были необоснованно осуждены и погибли. В одном только 1933 г. было репрессировано около 800 бывших сибирских партизан, необоснованно обвиненных вместе с 400 бывшими офицерами в так называемом «белогвардейском заговоре». Во время «Большого террора» в СССР погибли также десятки бывших партизанских руководителей.